

Предисловие к русскому изданию

Впервые представляемая на русском языке книга американских психологов Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон является одним из наиболее значительных достижений мировой психологии в области изучения агрессии. В последнее время изучение проблемы агрессивного поведения человека стало едва ли не самым популярным направлением исследовательской деятельности психологов всего мира. На эту тему написано огромное множество статей и книг. В Европе и Америке регулярно проводятся международные конференции, симпозиумы и семинары по этой проблематике. И конечно, в данном случае речь идет не столько о научной моде, сколько о специфической реакции психологического сообщества на беспрецедентный рост агрессии и насилия в «цивилизованном» двадцатом веке. И эта реакция представляется нам вполне адекватной и своевременной. Пока трудно сказать, состоялся ли уже переход накопленного *количества* разнообразных данных и сделанных на их основании выводов в новое *качество* знания о феномене агрессии, приблизились ли мы к новому, более глубокому и непротиворечивому пониманию сущности агрессивного поведения человека. Бесспорно одно: все это колоссальное количество данных, полученных в ходе проведения многочисленных исследований по агрессии, — теоретических и экспериментальных, оригинальных и проверочно-репродуктивных — острейшим образом нуждается в систематизации и обобщении. Выполнение этой нелегкой работы и взяли на себя Р. Бэрон и Д. Ричардсон. С удовлетворением можно констатировать — удача сопутствовала им, успех очевиден.

Этот фундаментальный труд с полным основанием мог бы называться «*Психология агрессивного поведения человека*». Конечно, агрессия изучается далеко не только в психологии: ею занимаются биологи, этологи, социологи, юристы, используя свои специфические методы и подходы. Однако, как заметил выдающийся философ двадцатого века Бертран Рассел, проблема различий между любовью и ненавистью находится в ведении преимущественно психологии. Думаю, с этим трудно не согласиться. По крайней мере, сами психологи вряд ли захотят оспаривать эту мысль. Как бы то ни было, можно констатировать, что на сегодня наиболее впечатляющие результаты в изучении природы и механизмов агрессивного поведения человека достигнуты именно в психологической науке. В чем, собственно, несложно убедиться, ознакомившись с работой Р. Бэрона и Д. Ричардсон.

Но вполне естественно, что и в этой интересной, сложной и интенсивно изучаемой области все еще остается множество нерешенных проблем, а вновь возник-

сих вопросов едва ли не больше, чем найденных ответов. Ведь, как правило, если речь идет о подлинно научном знании, один решенный вопрос ставит перед исследователем целый ряд новых. В случае с агрессией вопросы начинают возникать уже при попытке дать ей определение. Является ли агрессия исключительно поведенческой характеристикой и, следовательно, в качестве агрессии может и должно рассматриваться только внешне выраженное *действие* либо же агрессивными могут быть мотивы, установки, эмоции? Как соотносится агрессия с понятием «намерение»? Следует ли говорить об агрессии только применительно к ситуациям взаимодействия живых существ? Можно ли считать действия агрессивными, если реципиент не стремится избежать нападения? Всегда ли агрессия — зло, или она может иметь конструктивный характер? На некоторые из этих вопросов уже получены ответы, в той или иной мере удовлетворяющие большинство специалистов, другие по-прежнему остаются дискуссионными.

Так, например, некоторые исследователи считают, что термин «агрессия» уместно использовать применительно лишь к тем случаям, когда жертва *стремится* избежать причинения ей физического или морального ущерба. В частности, такой взгляд на проблему подразумевает исключение из числа поведенческих проявлений, квалифицируемых как агрессия, те специфические действия, которые совершаются в контексте садомазохистских отношений. Однако эта позиция представляется достаточно уязвимой. Ведь вне зависимости от того, идет ли речь о насилии в рамках ритуализованных взаимоотношений садомазохистской пары (группы) или об «обычном» избиении или изнасиловании, с точки зрения *психологии личности* и в том и в другом случае речь идет об агрессии, и все различия лежат не в личностно-психологической, а в правовой плоскости. По существу, в садомазохистских отношениях мы имеем дело с отреагированием (проявлением) агрессивных импульсов, но только в социально приемлемой форме. Не менее сложным является и вопрос о том, как следует квалифицировать действия субъекта, направленные на сознательное причинение вреда самому себе. Должны ли эти действия расцениваться как агрессия? Ответ на этот вопрос также будет зависеть от того, включается ли в определение агрессии такой критерий, как наличие у потенциальной жертвы стремления избежать внешнего воздействия, способного причинить ущерб или представляющего угрозу для жизни. Соответственно в зависимости от ситуации членовредительство или суицид могут квалифицироваться либо как проявление аутоагрессии, либо как разновидность оборонительной поведенческой стратегии.

Большинство специалистов настаивают на том, что в качестве агрессии может рассматриваться только поведение, включающее в себя намеренное причинение вреда *живым существам*. Введение последнего критерия в большинство существующих определений агрессии представляется вполне обоснованным. Однако и здесь есть свои проблемы. Как, скажем, должно интерпретироваться битье посуды во время ссоры? Это вообще не агрессия (ведь в данном случае нельзя говорить о «причинении вреда живым существам») или все-таки агрес-

сия, например в том случае, если посуда принадлежит не самому агрессору, а его жертве? Обсуждаемый критерий можно принять, но при одном существенном уточнении: вред (или ущерб) *человеку (или другому живому существу)* может причиняться даже посредством причинения вреда *неживому объекту*, если от состояния этого объекта зависит физическое или психологическое благополучие его обладателя или пользователя. Существует и более общая точка зрения, состоящая в том, что вообще все действия, имеющие «деструктивный» характер, есть агрессия, все они имеют общую психологическую природу, сходную мотивацию и в конечном счете представляют собой отреагирование агрессивных импульсов на эрзац-объекты.

Особо значительное внимание в книге Р. Бэрона и Д. Ричардсон уделяется рассмотрению социальных детерминант агрессии. Причем рассматриваются они не только в разделах, специально посвященных этому аспекту проблемы агрессии, — например, при изложении теории социального научения и анализе результатов эмпирических исследований, выполненных в русле этой теории, — но и при обсуждении фрустрационной теории агрессии и анализе данных, подтверждающих эту концепцию или не согласующихся с ней. Представление о социоонтогенетической детерминации агрессивности подкрепляется многочисленными результатами исследований процесса социализации, социального научения и онтогенетического развития личности. Исследования процесса социального научения показали, в частности, что специфический характер межличностных взаимодействий в семьях, из которых выходят высокоагрессивные дети, приводит к постепенному, идущему как бы по расширяющейся спирали, освоению и закреплению агрессивного поведенческого стереотипа, воспроизводящегося снова и снова в разнообразных ситуациях межличностного взаимодействия. Достоверно установлено, что жестокое обращение с ребенком в семье ведет не только к совершению агрессивных поступков этим ребенком при общении с другими детьми того же возраста, но и к развитию агрессивности, склонности к насилию и жестокости в зрелом возрасте, к превращению физической агрессии в жизненный стиль личности. В пользу концепции социального научения говорит и то, что действительное различие между агрессивными и неагрессивными детьми заключается не в том, что последние в ситуации межличностного конфликта отдают предпочтение агрессивным методам его разрешения, а в том, что агрессивные дети в отличие от неагрессивных лишены альтернативы, так как в их поведенческом репертуаре отсутствуют «сценарии» конструктивного разрешения конфликтной ситуации.

В связи с вопросом о социальных детерминантах агрессии в книге рассмотрена и проблема *мести*. Мсть рассматривается как ответная реакция на агрессивное воздействие, как *оборонительная стратегия* и как способ сохранения или восстановления «социального лица». Очень важно, что авторы сочли необходимым специально остановиться на данном вопросе. И важно это не только потому, что обсуждаемая проблема имеет высокую социальную значимость, но и потому еще, что вопрос о связи мести и агрессии заслуживает специального и очень

тщательного обсуждения. В некоторых концепциях в противоположность тем, которые представлены в книге, месть рассматривается не как адаптивная оборонительная стратегия, а как проявление деструктивной агрессии (например, Э. Фромм). При этом считается, что акт мщения не выполняет функции защиты от угрозы, так как всегда осуществляется уже после того, как вред причинен, и потому месть в любом случае деструктивна. Однако, по нашему мнению, проблема гораздо глубже, ведь зачастую причинение вреда обидчику не является для «мстителя» самоцелью, истинная цель мщения — возмещение причиненного ущерба, нейтрализация деструктивных последствий акта агрессии. Дело в том, что сфера витальных интересов человека чрезвычайно широка и никоим образом не может быть прямо сведена к интересам биологическим. В большинстве культур такие ценности, как социальное признание, уважение в микросоциуме и любовь близких, имеют первостепенное значение. Если же говорить о тех культурах, где силу неписаного закона имеет обычай кровной мести, который зачастую является единственно эффективным способом произвести впечатление, то в этом случае отказ от совершения акта возмездия представляет самую прямую угрозу реализации вышеназванного витального интереса. Причем угроза потерять уважение, признание, стать изгоем нависает не только над отказывающимся совершать акт мести, но и над всей его семьей, всем его родом.

Является ли антиципация такой угрозы и месть, как упреждающая реакция на эту угрозу, агрессией или это поведение следует обозначать иным понятием? Может быть, дальнейшие исследования феномена мести покажут, что отсроченная агрессия в одних случаях может носить оборонительный, доброкачественный характер, а в других — иметь деструктивную, злокачественную природу. По крайней мере само понятие «месть» нуждается в серьезном уточнении.

Пожалуй, труднее всего согласиться с довольно распространенным представлением о том, что в основе всех форм наказания (в том числе и официально узаконенных) лежит механизм деструктивной мести. То, что наказание применяется *post factum*, спустя некоторое время после причинения вреда, вовсе не является доказательством его деструктивной природы. Потенциальная возможность применения к агрессору юридически институционализированной меры наказания выполняет социально ориентационную функцию, так как, будучи официально, регулярно и предсказуемо применяемым, то есть имея *правовой характер*, наказание уже не является мстостью, а играет роль превентивного механизма, средства профилактики контрнормативного, асоциального поведения. Антиципация правовых последствий не может не воздействовать на индивидуальное сознание и требует от человека более внимательного отношения к возможным последствиям своих поступков, отсутствие же правовой идеи наказания ослабляет это внимание. Эксперименты показали, что ожидание даже таких относительно безопасных последствий агрессивного поведения, как простая необходимость письменно или устно отчитаться о совершенных действиях, снижает проявление агрессивности даже при групповых формах агрессии.

Значительным достоинством книги Р. Бэрона и Д. Ричардсон является то, что ее авторы не ограничиваются обсуждением вопросов, уже получивших однозначные ответы, а касаются самых сложных и дискуссионных тем, давая читателю возможность ознакомиться с самыми разными — иногда диаметрально противоположными — точками зрения на проблему. (Сравните, например, названия двух соседствующих разделов книги: «Доказательства того, что фрустрация облегчает проявление агрессии» — «Доказательства того, что фрустрация не облегчает проявление агрессии».) Конечно, это не означает, что у авторов нет собственной точки зрения. У них имеются свои специфические предпочтения и симпатии, связанные с индивидуальными особенностями их теоретических позиций, которые сформулированы ими вполне отчетливо и открыты для критики. Благодаря всему этому читатель получает возможность вступить в свободный интеллектуальный диалог и разобраться в собственном отношении к проблеме и к позициям всех остальных участников ее обсуждения.

В заключительном разделе книги, обсуждая вопрос о возможности установления контроля над человеческой агрессией и приходя к той мысли, что агрессия не является абсолютно иррациональной и неуправляемой стихийной силой, Р. Бэрон и Д. Ричардсон сетуют на то, что, несмотря на столь оптимистический вывод, они ничего не могут поделать с окутывающей их книгу *аурой пессимизма*. Думается, это тот редкий случай, когда авторы серьезно ошибаются. Нам представляется, что книга Р. Бэрона и Д. Ричардсон — в отличие от множества других, действительно пессимистических работ по агрессии — заряжена здоровой дозой оптимизма и, в известном смысле, может быть названа «оптимистической энциклопедией агрессии».

Член-корреспондент Российской академии образования,
заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук,
профессор Московского университета МВД России,
директор Федерального социального проекта «Крепкая семья»,
специалист в области педагогической психологии и психологии личности

А. А. Реан